

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНШКОВ

ДОНБАСС



БОЛЬНАЯ РОДИНА

МЫ ВСЕГДА БУДЕМ БРАТЬЯМИ

Александр Тамоников

Больная родина

«ЭКСМО»

2014

Тамоников А. А.

Большая родина / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2014

Капитан Сергей Гайдук служил в российском спецназе на Северном Кавказе. Он успешно выполнил все боевые задания и уволился из армии, решив, что войны с него хватит. Сменив полевую форму на «гражданку», Сергей отправляется на Украину, домой. Но родина встретила отставного офицера далеко не с распростертыми объятиями. Порядки, установленные там, вынудили Сергея опять взяться за оружие.

© Тамоников А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Большая родина

*Все, описанное в книге, является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

*А я был странник в израненной странной стране,
Где продажное «да», и на нет сводят «нет».
Где на тысячу спящих один, что распят,
И пятьсот, что плетутся вдоль стен.*

Юрий Наумов

Возвращаться – плохая примета.
Андрей Вознесенский

© Тамоников А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Фугас под днищем сработал в тот момент, когда бронетранспортер преодолел покатый косогор и спускался в низину. Заряд замаскировали толково и в действие привели вовремя. Рвануло под той частью корпуса, где размещалось отделение управления. БТР содрогнулся, ушел с дороги и встал, охваченный пламенем. Механика-водителя и командира бронетранспортера убило сразу.

«ГАЗ-66», крытый тентом, шел следом. Водитель, в меру упитанный младший сержант Герасимов, резко тормознул и ахнул от неожиданности.

Прапорщик Суриков, молодой светловолосый крепыш, сидевший рядом с ним, успел среагировать, проорал:

– На пол, сержант! – Он подхватил «АКС» и нырнул под сиденье.

В тот же миг на грузовик с окружающих скал обрушился град свинца. Пули рвали тент, стучали по кабине, разбили фары. Лопнули шины по правому борту. Орала солдаты в кузове, захваченные врасплох.

– К машине! – гаркнул прапорщик, но толку от команды уже не было.

Нападение на колонну внутренних войск, состоящую из грузовика и бронетранспортера, было столь стремительным, что никто не успел опомниться.

Кричали бойцы, угодившие в засаду. Пулеметная очередь пробила бензобак, кабину окутало пламя. Водитель Герасимов завопил от боли, когда пуля попала ему в плечо. Он открыл дверь, но спрыгнуть с подножки уже не успел. Вторая пуля пробила височную кость, и сержант, обливаясь кровью, вывалился на дорогу.

Прапорщик Суриков, скорчившись под сиденьем, судорожно пытался передернуть затвор, матерился как сапожник, кашлял в дыму. Пальба оборвалась, он подался вперед и перевалился через рычаг, намереваясь воспользоваться водительской дверцей. Кое-какие шансы у него имелись. Противник, судя по всему, сосредоточился справа, в скалах. Слева духов не было.

Суриков вцепился в баранку, сполз на подножку, и пламя, бьющее из-под капота, опалило ему лицо. Он стиснул зубы, чтобы не разорваться, спрыгнул на землю. В тот момент, когда прапорщик катился через водосток под скалу, где все пространство было усеяно камнями, пуля навывлет прошила его бедро. Он чуть не задохнулся от боли, разрывающей тело, пополз за глыбу, подтягиваясь на руках, волоча за собой «АКС».

Из кузова горящего грузовика вывалились двое раненых – видимо, все, что осталось от второго отделения. Это были рядовой Макаров, срочник, и ефрейтор Кошкин, в прошлом месяце подписавший контракт и оставшийся в армии. Они стонали, ползли за прапорщиком, оставляя за собой кровавые дорожки. Оружие не бросили, молодцы. С верхотуры разразилась беспорядочная пальба, но военнослужащие уже укрылись за камнями.

Бронетранспортер чадил зловонным дымом. Спаренная установка «КПВТ» даже не пикнула. Из первого отделения, сидевшего на броне, похоже, никто не уцелел. Нет, распахнулась бортовая дверь за башней. Провалилась нижняя часть конструкции, образуя подножку. На нее свалился ошарашенный, весь в саже, сержант Гасан Бакиев. Пули ударили по броне, с горы донеслись восторженные выкрики, но он ловко скатился под колеса, взметнув облако пыли, и в следующий миг уже полз за камни, закусив от усердия губу.

Суриков приподнялся и заметил, что двое его подчиненных ушли от обстрела.

– Мужики, вы в порядке? – прохрипел он, наконец-то передернув затвор.

– Хреново, товарищ прапорщик, – выдавил Макаров. – Какой уж тут порядок. Мне в живот, кажется, прилетело. Режет, мочи нет.

– Держись, салага! – заявил Кошкин. – Прорвемся. Я в порядке, товарищ прапорщик. Плечо продырявили...

Их перемещения не остались незамеченными. Поднялся сильный ветер, растащил тучи, разбросал клубы дыма над горящим транспортом. Духи перенесли огонь, пули рикошетили от камней, взрывали фонтанчики в глинистой почве.

Прапорщик Суриков скорчился за камнем, пристроил на нем автомат. Боль в простреленном бедре сводила с ума, все плясало перед глазами. Грунтовая дорога между райцентрами в глуши Мазаринского района Дагестана превращалась в размытую полосу. Где-то невдалеке взревел мотор, со скрежетом рвался металл. Водитель встречной машины, видя этот кошмар, спешно разворачивался, игнорируя каменные преграды.

Суриков попытался привстать, огрызнуться ответным огнем. Неловкое движение, и боль парализовала правую сторону тела. Он завалился на бок, как подпиленное дерево.

На гребне горы обрисовались двое – бородатые, в грязном камуфляже. Размахнулись, чтобы бросить гранаты. Где-то слева простучала отрывистая очередь. Молодец Бакиев! Боевики словно подломились, выронили гранаты.

Ответная реакция последовала незамедлительно. Духи стали швырять гранаты из укрытий. Рвались они с недолетом, на дороге, среди валунов. Одна закатилась под колеса чадающего «ГАЗа» и грохнула там. Автоматчики выбегали из укрытий, хлопки звучали уже ближе, и не было никакой возможности высунуть голову.

Истошно закричал Бакиев и выронил автомат. Осколок рассек ему руку. Хрипели бойцы за спиной прапорщика – Кошкин зарывался в землю, Макаров пытался отползти.

Недалеко от Сурикова рванула слабенькая наступательная «РГД». Осколки разлетелись, ударились о валун, за которым скорчился прапорщик. Боевик спрыгнул на дорогу. Следующая «РГД» перелетела через прапорщика, ахнула за спиной. Макаров уткнулся в землю, Кошкин схватился за раненый бок. Злобно тарыхтел «АКС» – Бакиев умудрялся отвечать. Кто-то подставился, рухнул на колени, пополз за горящий БТР, волоча простреленную ногу. Заклинило затвор, и Бакиев разразился великим и могучим.

У прапорщика перед глазами плавал сизый туман. Он кое-как поднялся на колени, отыскал указательным пальцем спусковой крючок, смутно различил, как по склону скатываются какие-то фигуры, и начал стрелять. Но все впустую, ствол вело к земле, Суриков не мог его удержать.

Грудь сдавило от безысходности. Как такое случилось? Маршрут движения колонны держался в тайне, о нем знали лишь офицеры из штаба батальона. Он потерял почти всех солдат – свыше десятка душ. Такое не прощается! Что осталось – достойно умереть?

Боевики потешались, наблюдая за его потугами. Он терял сознание от дикой боли, еле держал автомат. Прапорщика окружали нечеткие фигуры в пятнистой защитке. Он собрался с силами, поднял «АКС». В магазине оставалось несколько патронов. Боевик загоготал и выстрелил. Автомат вырвался из рук, вторая пуля перебила запястье.

Прапорщик повалился навзничь, обливаясь кровью. Небо завертелось перед глазами, пятнистые скалы, зависшие над дорогой, пустились в пляс. Но он не потерял сознание.

Боевиков было чертовски много, хотя, возможно, у Сурикова троилось в глазах. Они спускались с горы, подходили, держа автоматы наперевес. Один, посмеиваясь, оторвал от гранаты чеку, бросил в покореженный кузов «ГАЗ-66», откуда раздавались жалобные стоны, отпрыгнул, присел, зажав уши. В кузове хлопнуло, обрушились остатки тента на металлические дугах. Стоны оборвались. Боевик засмеялся.

– Прямо как в опере, блин! Сперва долго и грустно поют, потом умирают. – Он говорил по-русски без акцента, матерился легко и весело, физиономию имел типично славянскую.

Другой вскарабкался на броню подорванного БТРа, бросил гранату в открытую бортовую дверцу и тоже пустился наутек, зажимая уши.

Прапорщик в бессилии скрипел зубами. Рядом с ним хрустели камни, кто-то ткнул его носком в бедро, проходя мимо. Мордатый здоровяк в нестираном комбинезоне присел на корточки перед стонущим Макаровым. Тот поднял голову, жалобно уставился на духа. Лицо солдата было залито кровью.

Боевик добродушно потрепал его за вихры и заявил:

– Сыграем в харакири, брат?

– Тундра ты, Саид! – сказал бандит со славянской внешностью. – Поиграть в харакири можно только с собой. А то, что ты хочешь сделать, называется «зарезать барана».

– Ну и хорошо, барана так барана. – Мордатый тип пожал плечами.

Прапорщик закрыл глаза, чтобы не видеть, как его подчиненному перерезали горло. Макаров мучился, хрипел, пускал кровавые пузыри.

– Спокойной ночи, малыши, – проговорил подонок в камуфляже.

– Смотри, еще один тумбочкой прикинулся.

Другой член банды заметил окровавленного Кошкина, который безуспешно пытался заползти за скалу. Нагибаться бандиту было лень, он выпустил короткую очередь в голову.

«Эх, Кошкин! – машинально подумал прапорщик. – Нет у тебя в запасе девяти жизней, а говорил, что есть».

Эти ублюдки ничего не боялись. Они среди белого дня напали на колонну внутренних войск и держались так, будто находились у себя дома.

«А ведь эти суки действительно у себя дома», – уныло констатировал прапорщик, когда над ним склонилась щербатая физиономия, украшенная нечесаной бородой.

Это был полевой командир Нурбала Хатиев, сорокавосемилетний главарь бандитского подполья, действующего в Мазарбекском районе, убежденный ваххабит и борец за освобождение мусульманского Кавказа от российского имперского ига. Этого шакала не могли поймать уже несколько лет. В банде Хатиева было не меньше сорока рыл – в основном местные, прекрасно знающие район, обученные, безжалостные, любители наносить удары исподтишка. На их счету сотни жертв – солдаты, полицейские, чиновники, мирные жители, неудобные бандитам.

Свою карьеру Хатиев начал еще в девяносто девятом. Когда отряды Хаттаба и Басаева вторглись в Новолакский район, в них влилась немногочисленная группа местных жителей, ведомая бывшим учителем географии, ярим приверженцем установления ваххабитского режима в отдельно взятом горном районе. С тех пор прошло почти пятнадцать лет, а упырь все бегал на свободе. Он был неуловим, как батька Махно, и всегда контролировал любую ситуацию.

– Что, солдат, Аллах велик? – спросил рослый боевик, пиная сержанта Бакиева.

Тот норовил встать, смертельно бледный, из прокушенной губы сочилась кровь.

– Да Аллах-то велик, вот только ты последнее чмо! – прохрипел контрактник.

За это он тут же получил прикладом в висок, издал отрывистый рык и завалился на бок.

– Нурбала, этого тоже кончим? – спросил худощавый тип с козлиной бородкой и подмигнул обездвиженному Сурикову. – Вах, прапорщик, какой незабываемый вечер. Чего моргаешь? Удар судьбы, да?.. Давай, Нурбала, кончим его быстро, чтобы не мучился. Мы сегодня добрые.

– Это точно, – согласился обладатель славянской внешности. – Мы сегодня в благоприятном расположении духа.

– Отставить! – проворчал Хатиев. – Этого не убивать. И того тоже. Байтаза, кому было сказано! – прикрикнул он на подчиненного, который уже примеривался перерезать горло Бакиеву.

– В горы их, Нурбала?

– Нет. Эти двое поедут ко мне в Бурнай. Пусть в подвале посидят. Будут козырем в разговоре с Таргаевым. Может, он сговорчивее станет, а то совсем страх потерял. Магомед, ты

отвечаешь за то, чтобы они не сдохли. Перевяжи, вколи какую-нибудь хрень. Булат, Тимур, Иваков, грузите их в пикап. Булат, звони своим ментам, чтобы ни одна крыса нас не засекала. Замир, остаешься за меня. Собрать оружие и отходить на базу. Выставить дозор, чтобы хвост не увязался. Сколько раненых у нас?

– Нурбала, четверых потеряли! – донесся голос с дороги. – Джанхотов и Мурзаев убиты, Ичиков и Бабахан ранены. Бабахан тяжело.

– Суки!.. – обозлившийся главарь пнул прапорщика по ноге, отчего тот лишился сознания. – Ладно, шакалы, поквитаемся еще. За каждого нашего будете сотнями дохнуть, в крови купаться!

Прапорщик не помнил, как его волокли к дороге, грузили в пикап. Туда же духи забросили стонущего сержанта. Пикап проехал триста метров, ушел с дороги, вскарабкался в седловину между холмами, двинулся краем обрыва, давя пушистый можжевельник.

Тем же вечером, когда стустились сумерки, запыленный пикап выбрался из горных теснин и выехал на окраину большого села Бурнай. Округа уже спала, лишь в отдельных окнах рябил свет. В иссиня-черном небе загорались звезды, поблескивала желтая, нереально выпуклая луна.

Пикап преодолел утлый мостик, переброшенный через речушку, проехал переулок, заросший пирамидальными тополями, и выбрался на улицу Гамзатова. Жилых домов здесь было немного, они прятались за зеленью деревьев и каменными заборами. Вывернув на улицу, водитель погасил фары. Он знал эту местность как свои пять пальцев.

Самый крайний дом ничем не выделялся на фоне своих собратьев. Довольно крупный, одноэтажный, с высокой черепичной крышей и слуховым окном на фасадной части. Участок окружал двухметровый кирпичный забор. Террасу перед входом оплетали заросли винограда. Позади дома располагался сад. Он упирался в кирпичную изгородь и отвесную скалу, нависающую над участком.

Водителю не пришлось сигналить – машину ждали. С глухим скрипом отворились ворота, и пикап въехал во двор. Женщина в платке и длинной юбке закрыла створки.

Из дома доносились голоса детей. Женщина метнулась внутрь, утихомирила их и вернулась в сопровождении сына лет четырнадцати, не по годам рослого, худощавого. Подросток помалкивал, с крыльца наблюдал за происходящим. Женщина кое-что увидела, выключила свет на террасе, побежала во двор. Там подчиненные ее мужа выгружали из машины связанных пленников.

– Нурбала, зачем ты их привез? – взволнованно зачастила она. – Кто это?

– Доставка спецбортом, Ариза, – пошутил один из боевиков, придавая заложнику относительно вертикальное положение.

– А тебя не спрашивают, Тимур! – вскипела женщина. – Я с мужем говорю, а ты чего лезешь?

– Молчи, женщина! – зашипел Хатиев. – Так надо. Иди к детям и не высовывайся. Уведи Басара, нечего ему тут смотреть, мал еще. Что за баба!..

– Правильно, Нурбала, – заявил Тимур. – Я тоже не понимаю, как можно терпеть женский характер?

Женщина поняла, что вступать в дискуссию с благоверным сейчас не стоит, и сникла. Она засемила к крыльцу, схватила за рукав мальчишку, потянула его в дом.

Боевики продолжали возиться с пленными. Их перевязали на скорую руку, но бинты уже пропитались кровью. Раненые стонали, не могли стоять на ногах.

– В подвал их тащите! – прошипел главарь. – Да без шума, чтобы ни одна собака в округе не проснулась.

Отдельного входа в подвал не было. Духам пришлось тащить добычу через дом. Они, глухо переругиваясь, взгромоздили на крыльцо пленников, беспомощность которых оказалась несколько преувеличенной.

Когда ноги сержанта Бакиева уткнулись в приступку, он внезапно издал сдавленный рык, начал извиваться. Боевик от неожиданности споткнулся. Второй выругался, завернул пленнику руку. Тот ударил затылком в переносицу со всей силой, которую смог собрать. Боевик охнул, отшатнулся. Бакиев зашатался и ничком повалился за порог. Ноги не держали его.

Третий бандит издал какое-то скрипучее рычание. Прапорщик Суриков почувствовал, как ослабла хватка. Он тоже крутанулся вокруг оси, испытывая режущую боль, свалился навзничь. Когда боевик, возмущенно курлыча, бросился к нему, прапорщик согнул в колене здоровую ногу и резко выпрямил ее.

– Держи, выхухоль небритая!

Удар Сурикова угодил чуть выше причинного места. Бандит не удержался, повалился на своих товарищей.

В свалку бросился взбешенный Хатиев, замыкавший процессию. «Принуждение к миру» продолжалось недолго. Бить пленников духи не стали, опасаясь гнева главаря. Раненым хватило бы нескольких ударов, чтобы отправиться в мир иной.

Их проволокли мимо притихшей женской половины дома, через топочное помещение с котлами и печью, по узкой лестнице втащили в подвал, представляющий собой анфиладу бетонных боксов. Женщинам и детям заходить туда запрещалось, и это повеление выполнялось беспрекословно.

Пленные военнослужащие здесь не были новоселами. В бетонированных застенках в последние годы побывали несколько контуженых омовцев, командированных из Пскова, парочка несговорчивых чиновников, имам местной мечети и даже офицер ГРУ, которого Хатиев пытал и увечил с особым наслаждением. Пленников бросили на зловонные отсыревшие матрасы, приковали цепями к кольцам, вмурованным в стены. Сержант Бакиев стонал, глаза его бессмысленно блуждали. Прапорщик Суриков прерывисто дышал через нос. Потоптавшись, позубоскалив, боевики потянулись из подвала.

– Ночуете здесь! – приказал им Хатиев. – По дому не болтаться. Спать будете в гостевой комнате. Ариза приготовит поесть. Дежурить по одному. Булат, заступаешь первым. Через два часа тебя сменит Иваков, его – Джухотов. С территории не выходить, смотреть за оградой. Перевязать пленных, дать им чего-нибудь пожрать, чтобы не сдохли.

Тощий боевик с гнойным фурункулом на щеке фыркнул и осведомился:

– Может, им еще колени зеленой намазать?

– Надо будет, намажешь! – резко ответил Хатиев и приказал: – Выполнять!

Так уж вышло, что в доме, стоявшем на другой стороне дороги, у гаража возился мужчина средних лет, страдающий одышкой и излишним весом. Он затащил в гараж газонокосилку, укрыл ее чехлом и вдруг услышал шум. По улице неторопливо двигался автомобиль. Мужчина выбрался из гаража, подошел к забору. Машина удалялась.

Толстяк удивился. В темное время суток принято ездить с включенными фарами, а сквозь щели в заборе он не видел никакого света. Машина, похоже, остановилась. Судя по звуку двигателя, это был подержанный пикап или маленький грузовичок. Звякнул металл в вечерней тишине, скрипнула створка ворот.

Мужчина вышмыгнул из своей калитки, присел в высокой траве. Машина с погашенными фарами въехала в ворота дома, стоявшего напротив. Там проживала женщина с тремя детьми. О ней ходили разные слухи. Людей эта особа сторонилась, детей на улицу практически не выпускала. Ворота закрылись.

Мужчина почувствовал страх, выбрался из травы, перебежал дорогу и затаился за кирпичным забором. Набравшись храбрости, он подобрался к запертой калитке, приник ухом к щели. Во дворе перед домом что-то происходило. Хлопали дверцы, ругались мужчины. Кто-то застал. Раздался раздраженный мужской голос, его сменил женский.

Толстяк отыскал щелку между досками, прилип к ней, возбужденно задышал. От волнения на его физиономии выступил пот. Он не стал дожидаться, пока опустеет двор, начал пятиться, на цыпочках перебежал дорогу. Этот человек понял, что происходило у таинственных соседей.

Он прошмыгнул в свою калитку, забрался в гараж. Телефон вываливался из рук, срывались пальцы. Он долго не мог отыскать нужный номер.

Когда отозвался недовольный голос, все слова застряли в горле, толстяк начал заикаться, но справился с собой и проговорил:

– Долгат Абдуллаевич, здравствуйте! Простите, что звоню в такой час...

– Кто это? – раздраженно спросил Долгат Таргаев, глава Мазарбекской районной администрации.

– Это Аслан Эльмурзаев, – отрывисто выдавливал толстяк. – Ну, помните, вы оказали мне услугу в том деле, когда районный прокурор Гафаров...

– Помню, говори. – Раздраженные нотки в голосе Таргаева усилились.

Ни о какой услуге не могло бы быть и речи, если бы в деле о хищениях с нефтебазы не фигурировала двоюродная сестра главы администрации.

– Долгат Абдуллаевич, мне кажется, это банда Хатиева и он сам. – Эльмурзаев справился с волнением, говорил относительно внятно. – Вы же знаете, я живу на улице Гамзатова...

Глава администрации терпеливо слушал. Из потока слов рождалось что-то связное. До Торгаева постепенно доходило, он тоже начал волноваться, телефон прилип к вспотевшей ладони. С Нурбалой Хатиевым у него давнишние противоречия, и если этот жалкий червяк не врет...

Черноволокный мужчина лет пятидесяти с мясистым носом и хронически отекающим лицом застыл в оцепенении. Вот это шанс! Сколько лет не удавалось подловить Хатиева, а тут сам явился! Через ФСБ просачивалась информация, что женщина по имени Ариза, носящая фамилию Масханова, одна из жен Хатиева, но проработки этой особы ничего не дали.

Он вновь схватился за телефон, набрал номер. Начальник районного ОВД майор Казбек Назаров отозвался на шестом гудке. За это время с главы районной администрации успело стечь ведро пота.

– Быстро действуй, Казбек! – прошипел Таргаев и торопливо описал создавшуюся ситуацию. – Если это ошибка, то мы переживем, если нет – то шанс, которого больше не будет. Поднимай своих лентяев, заблокируй дом, чтобы и таракан не проскочил. Сообщи своему начальству в Махачкалу, пусть присылают подкрепление.

– Долгат Абдуллаевич, но у меня же людей-то всего ничего. Вы же знаете... – Главный районный полицейский встретил бурный поток ругани и осекся.

Он пробормотал что-то в знак согласия, оборвал разговор и соединился с заместителем, капитаном Вели Данаевым. Майор Назаров всегда был убежден в том, что работать должны подчиненные. Его задача – руководить и изыскивать огрехи в их деятельности.

Было слышно, как взволнованный капитан Данаев выпрыгнул из кровати. Боевики Хатиева минувшей весной зарезали его брата, не имевшего никакого отношения к правоохранительным органам. Краткий ввод в курс, инструктаж...

Оборвав разговор, начальник полиции швырнул телефон на тумбочку и хмуро покосился на жену. Она спала, заняв, по обыкновению, три четверти кровати, храпела как гиппопотам. Такую глыбу не то что телефон – атака с применением артиллерии не разбудит.

Через четверть часа руководство районной полиции получило приказ из Махачкалы стянуть все силы в нужный квадрат и заблокировать дом. На штурм не идти. Возможно, у бандитов есть заложники. Махачкала обещала подкрепление в виде спецназа, но радужных перспектив не рисовала. На то, чтобы доставить специалистов в отдаленный горный район, нужно время.

«Все силы» местного ОВД числом и выучкой не блистали, но дом заблокировать сумели, шума не подняли. Около полуночи восемь полицейских в наспех надетых бронежилетах и касках заняли позиции. Отчаянных персон в группе не наблюдалось – все местные, у всех жены, дети.

Дорогу перегородили старыми «Жигулями», за которыми уместились двое. Еще один пристроился в кювете. Пара залегла за оградами соседних зданий. Двое меняли позиции, в итоге обосновались в саду Аслана Эльмурзаева, откуда просматривалась крыша дома Хатиева. Восьмой полицейский, имеющий представление о стрельбе с применением оптического прицела, взобрался на скалу позади домовладения Хатиева и взял под наблюдение сад на задворках, часть дома и кирпичную ограду по периметру.

Дом Хатиева располагался невыгодно для ведения оборонительного боя – тупик, скалы, ни одной тропы. Задняя часть простреливалась насквозь даже в темное время суток. Вырваться с участка можно было только через ворота.

Примерно в два часа бандиты что-то почуяли. Ночь была безлунной, и силуэт снайпера, занявшего позицию на скале, неплохо выделялся на фоне черного неба. Боевик, принявший смену, вышел из дома и забил тревогу. Пуля отколола щепку от косяка рядом с его ухом. Боевик пригнулся, метнулся в дом и правильно сделал. Тяжелую дверь, которую он успел захлопнуть, буквально изрешетили пули. Из окна простучала злобная очередь, но снайпер уже спрятался.

Вспыхнула отчаянная пальба. Обе стороны лупили в белый свет, не видя целей. В доме надрывно голосила женщина, плакали дети.

Боевики понимали, что действовать надо быстро, и попытались вырваться из западни. Над кирпичной оградой со стороны улицы Гамзатова появились два силуэта. Духи открыли шквальный огонь из автоматов. Ударил гранатомет «Муха», и взрыв грохнул перед «Жигулями», перегородившими дорогу. Машину давно пора было сдавать в металлолом, а теперь и подавно.

Одному из полицейских осколок прилетел рикошетом в каску. Он был контужен и пытался отползти. Товарищ, находившийся поблизости, пришел на помощь, оттащил пострадавшего в кювет. Остальные вжались в землю. Пули свистели над их головами. Где-то в домах бились стекла, скулили собаки. Разбуженные люди закрывали ставни, прятались в подвалах. Боевики не жалели патронов.

Внезапно стрельба оборвалась, распахнулись ворота, и пикап попытался вырваться на оперативный простор. Боевики палили из окон, с подножки. У водителя имелся реальный шанс объехать груды железа. Но духов встретила стрельба. Двое полицейских распластались на земле, закрыв головы руками, вояки из них оказались средненькие, но другие, под оградой, палили от души.

Пикап затрясся, завилял – пуля порвала резину. Водитель отчаянно, под лающие вопли собратьев по оружию, давил на тормоз. Пикап остановился, задев крылом изрешеченные «Жигули». Полицейские перезаряжали оружие.

Хатиев что-то проорал – хватило ума понять, что из западни не вырваться. Водитель переключил передачу. Машина была еще на ходу. Сотрясаясь всем корпусом, хромая, словно увечная лошадь, пикап рывками сдавал назад, в открытые ворота.

Воодушевились попрытавшиеся полицейские, открыли беспорядочный огонь. Кто-то бросился вперед, перекатился, обронив каску, стал стрелять короткими очередями. Но пикап уже въехал за ворота. По сомкнутым створкам ударил град свинца! Плевался руганью боевик, раненный в руку, визжала женщина.

Возникла абсурдная ситуация. У бандитов не было сил, чтобы вырваться, а полиции не хватало людей, чтобы развить успех. Полицейские подобрались ближе, продолжая расходовать боезапас. Боевики не стреляли. Иногда за забором вспыхивала ругань.

В зону «антитеррористической операции» прибыло подкрепление – взбудораженные оперативники местного РОВД, не экипированные, плохо вооруженные. Люди прятались кто где – в соседних домах, за складками местности. Жильцы окрестных зданий покидали свои обители, уводили плачущих детей. Мелькнули, но не задержались глава администрации Таргаев, начальник полиции Назаров. Отметился руководитель районного ОФСБ капитан Камал Исмаилов, невзрачный, серенький. Он глухо ругался с заместителем Назарова Данаевым, постоянно кому-то звонил.

– Хатиев, сдавайся, ты окружен! – крикнул Данаев из-за искореженных «Жигулей». – У тебя нет ни одного шанса!

– Шансов нет, – ответил Хатиев из-за забора. – Зато есть заложники. Слышь, мент, если пойдете на штурм, я их всех убью! Здесь дети, женщина, двое калек из колонны, которую мы сожгли в Мазаринском ущелье! Подумай башкой и передай Таргаеву, что он труп! Вы на кого руку подняли, уроды?! Я вам приказываю отвести людей, освободить коридор!

Несколько минут продолжался содержательный диалог. Хатиев в открытую глумился над оппонентом, требовал один доллар и миллион вертолетов, а его подельники при этом ржали как кони. Боевики, засевшие в доме, чувствовали себя вполне комфортно. Оружия и заложников у них хватало, да и забор выполнял отнюдь не декоративную функцию. У правоохранителей, окруживших дом, шалили нервы. Никто не сомневался, что у Хатиева есть прямая связь с пособниками, сидящими в горах. Сколько времени им нужно, чтобы прийти на выручку? Час, два, три? Где же подкрепление? Почему его нет? Неужели всем наплевать?!

В три часа ночи из небольшой воинской части, расположенной под Арсулом, подошел БТР-80. В нем находились трое военных. Водитель спешил, проехал переулком, давя кустарник, вывалился на улицу Гамзатова. Информации у военных было негусто – только адрес, который требовалось отработать.

Лейтенант Волгин, недавний выпускник Новосибирского училища внутренних войск, припал к спаренному «КПВТ» на башне. Жахнул гранатомет. Выстрел разорвался в трех метрах, окатил осколками броневую сталь, разбил фару.

Лейтенант ахнул – ни фиги себе! – едва успел пригнуть голову, свалился в люк и прохрипел:

– Назад!

Коренастый сержант Зуев матерился, поносил последними словами механика-водителя Долганя, а тот рвал рычаг переключения передач. Бронетранспортер закатился обратно в переулок. Зубы водителя, не избалованного участием в боевых операциях, выбивали чечетку.

– Смотрите, товарищ лейтенант, как вставило нашему Долганю. Ну ничего, будем считать, обстрелялись.

– Чего тарачишься? – огрызнулся Долгань, кусая губы. – Поделиться ощущениями?

– Что это было, бойцы? – прохрипел оглушенный лейтенант, выбивая звон из ушей.

– Природный ум, товарищ лейтенант. – Сержант по-отечески похлопал механика по затылку. – Куда же ты лезешь, дорогой? Жить надоело?

– А я знал? – возмутился Долгань. – Мне кто-нибудь сказал?

– А головой поработать? – зашипел Волгин.

– А он не дятел – головой работать. – Зуев хмыкнул. – Да все путем, товарищ лейтенант, все живы и улыбаются. Будем считать, что отработали в тестовом режиме.

– К машине! – распорядился Волгин, передергивая затвор автомата. – И под пули не лезть раньше времени. Вот же идиоты! – чертыхнулся он неизвестно в чей адрес. – Не могли популярно описать, что за хрень тут происходит.

Над окраиной Бурная зависли грохот и ругань. За оградой хохотали боевики Хатиева, временами разряжались автоматными очередями. Из «Мухи» больше не стреляли – хорошего помаленьку. Из переулка напротив, сотрясая округу адским грохотом, выбрался строительный экскаватор, перегородил дорогу позади изувеченных «Жигулей» – видимо, для верности. Водитель спрыгнул с безопасной стороны и засеменял обратно в переулок, прикрывая голову руками.

– Не штурмовать! – надрывался капитан Данаев, пробираясь к транспортеру вдоль забора. – Приказ из Махачкалы! Блокировать дом, ждать, вести переговоры! У бандитов много заложников!

– Да больно надо. – Сержант Зуев пожал плечами, выбил сигарету из пачки.

– Лейтенант, почему вас так мало? – Данаев спрятался за броню и вздохнул: – Где армия, где спецназ?

– Скажите спасибо, что хоть мы здесь, – огрызнулся Волгин.

Легкий беспорядок в Вооруженных силах Российской Федерации никто не отменял. На момент прихода «молнии» о боевиках в Бурнае часть практически в полном составе выдвинулась на маневры в соседний район. В батальоне остались два бронетранспортера, один из которых был хронически неисправен.

«Подтянется спецназ, – проинформировали из штаба. – Но и вы окажите посильное содействие».

– Нас мало, но мы в тельняшках, – похвастался сержант Зуев, но его не поняли.

Оценив ситуацию, лейтенант Волгин связался с непосредственным начальником полковником Шамаевым, доложил обстановку.

– От меня-то ты что хочешь, лейтенант? – огрызнулся тот, заваленный крайне важными делами. – Действуй по обстановке, береги людей, не проявляй бестолковую инициативу. Если считаешь, что ваше присутствие там не нужно, чешите обратно. Да, забыл тебе сказать, мне звонили из штаба бригады оперативного назначения. В Бурнай направляется усиленная группа из девятого отряда спецназа внутренних войск. Скоро будут. Это профессионалы. Постарайся с ними подружиться и наладить взаимодействие.

Группа девятого отряда специального назначения «Вихрь» прибыла в Бурнай на камуфлированном джипе около четырех часов утра, когда небо на востоке уже начинало голубеть, а ночь неохотно отступала на запад. Информация об усиленной группе оказалась несколько преувеличенной – приехали только шестеро. Но смотрелись бойцы внушительно. Все в защитных шлемах с забралами, спортивные, решительные.

– Как дела, пехота? – спросил у Волгина русоволосый прапорщик, извлекая из-под сиденья многозарядный гранатомет «РПГ-7».

– Стабильно хреново, – ответил тот.

– Докладывай, лейтенант, что тут стряслось? – буркнул коренастый майор Юрий Васильев, командир боевой группы.

– Ночная жизнь в разгаре? – осведомился подтянутый, коротко стриженный голубоглазый капитан Сергей Гайдук, заместитель Васильева.

– Стреляют. – Лейтенант пожал плечами.

Из дома как раз простучала автоматная очередь. Она сопровождалась потоком слов, недавно запрещенных в российском государстве.

– Сквернословы какие! – прокомментировал русоволосый прапорщик Бредов. – Ограничимся штрафом, командир?

– Ну уж хрен, – отозвался за командира Гайдук. – Если это действительно Хатиев, то штрафом он никак не отделается.

Под бормотание лейтенанта спецназовцы подгоняли амуницию, выдвигались на позиции. Среди них прапорщики Бредов и Эльдар Мирзаев с пулеметом «РПК», немногословный, чер-

ноусый; снайпер Канбиев со смешливым лицом и шныряющими глазами; стриженный наголо связист – сержант-контрактник Колотко.

Заместитель районного «шерифа» был уже тут как тут, заметно взволнованный. Впрочем, информацию он выдавал доходчиво, описал соотношение сил, предшествующие события, незавидные перспективы.

– Штурмовать нельзя, господа офицеры. – Капитан полиции яростно замотал головой. – Приказ из Махачкалы – заблокировать Хатиева, вести переговоры и ждать указаний. У него много заложников. Среди них женщины, дети, двое раненых военных из колонны, которую он вчера разбил.

– Дьявол!.. – Гайдук скрипнул зубами, взглянул на командира. – Все сходится, Юра. Колонну в Мазаринском ущелье расстреляли в упор. Двенадцать трупов, а в колонне было четырнадцать человек. Недосчитались прапорщика Сурикова и сержанта... не помню его фамилии.

– Это Хатиев, его люди! – возбужденно бубнил полицейский. – Он орет из дома, что у него двое военных, оба тяжело ранены. Если через час их не выпустят, он начнет убивать заложников, первым прикончит прапорщика.

Майор Васильев поморщился, задумался. Больше двух часов катили они по горным дорогам с базы, находящейся южнее Махачкалы. Странный приказ: действовать по обстановке. Почему нельзя было выслать полноценную группу? В стране кончились вертолеты? Хатиев – слишком одиозная личность в бандитском подполье, имеет связи в чиновничьих кругах. Его боятся, и правильно делают, другого такого лютого ваххабита еще надо поискать. Вполне возможно, что, находясь в осаждении, он уже подключил свои связи, заработал невидимый механизм. Отсюда соответствующие приказы: никакого штурма, вести переговоры. Хатиев хочет затянуть время, а потом придут люди из его банды, дислоцированной в горах, – несколько десятков головорезов, не считая осведомителей и тех, что на подхвате.

– Волнуется он чего-то, товарищ капитан, – шепнул на ухо Гайдуку сержант Колотко. – Посмотрите, как трясет человека.

– Десять минут работы, товарищи офицеры, – озвучил свое мнение прапорщик Бредов, высываясь из-за угла. – Армия поможет, ведро на колесах нас прикроет. – Он выразительно покосился на растерянного Волгина. – Мы ведь способны решать любые проблемы, нет?

– Кроме проблем их появления, – поправил его майор Васильев. – Отставить болтовню. Забыли, как нужно работать? Капитан, на минуточку. – Он поманил пальцем нервно подпрыгивающего Данаева. – Ты здесь вроде за главного, нет? Понимаю, начальство предпочитает не высываться...

Какая-то польза от полицейского имелась, но полной информации он дать не мог. План здания на улице Гамзатова, количество боевиков, работающих против спецназа, их вооружение, число заложников – и ни одного исчерпывающего ответа! Все только приблизительно, на эмоциях, с поправкой на страх и возбуждение.

Спецназ выходил на позиции. Люди перебежали по одному под прикрытием товарищей, укрывались за экскаватором, за продырявленными «Жигулями». Рождался резонный вопрос: имеется ли у противника путь к отступлению? Данаев уверял, что бандиты в капкане вследствие крайне неудачного расположения дома. Снайперов уже двое. Они не дают боевикам покинуть участок «огородами». Да и нет там никакой дороги, если ты не владеешь навыками скалолазания. Наличие подземного хода тоже не рассматривалось – имейся таковой, террористы давно бы ушли.

Разведка боем привела к закономерным итогам. Боевики поняли, что к противнику было подкрепление, которое сжимает кольцо, и разразились яростным огнем. Автоматчики били почти вслепую из окошка в калитке, со стен. Серьезную опасность представлял пулеметчик, засевший на чердаке. Он имел возможность простреливать всю улицу, что и делал

самозабвенно, не щадя патронов к «РПК». В его распоряжении имелось слуховое оконце, и подавить эту точку пока не получалось. Стоило кому-то поднять голову, как пулемет начинал злобно тарыхтеть.

Спецназовцы рассыпались цепью. Обрадованные полицейские начали отползать. Дождались специалистов!

– Товарищ майор, я могу подавить пулеметчика, – обратился к командиру группы прапорщик Мирзаев. – Только прикройте меня.

– Дерзай, Эльдар!

Это был смелый ход. Майор Васильев решил принять на себя ответственность. Канбиев откатывался к ограде, мостился к прицелу. Гайдук и Бредов высунулись из-за экскаватора, одновременно полоснули по чердаку. Выкатился Мирзаев, грохнул из пулемета прерывистой очередью.

Такое вот прощупывание завершилось неудачно. Боевики имели опыт и выдержку. Пулеметчик спрятался, но на стене возникли двое, их не успели отследить. Один ударил из «АК-74», второй из гранатомета. Граната рванула в нескольких метрах. Осколки застучали по экскаватору. Спецназовцы вжались в землю. Чертыхался Игит Канбиев, нецензурно выражался Васильев, Гайдук выколачивал звон из ушей. Прапорщик Мирзаев, чудом выживший, сползал в водосточную канаву. Бредов выпустил из-под ограды несколько очередей и замолчал.

– Что, суки, еще хотите? – прорычал из-за забора Хатиев. – Подходите, у нас патронов на всех хватит! Эй, уроды! – Он сменил тональность на язвительную. – Осталось меньше часа, и я начну расстреливать заложников! Ладно, так и быть, первым будет сержант, а не прапорщик. Он достал уже, грубый какой-то, ругается много.

Боевики ржали во все луженые глотки. Им было море по колено. Во всяком случае, они делали вид, что это так. Спецназовцы молчали, им даже в голову не приходило вступать с бандитами в переговоры. Боевики тоже взяли паузу. Над местом проведения бестолковой операции воцарилась хрупкая тишина.

Рассвело. Солнце озаряло дома добропорядочных дагестанцев, экскаватор, перегородивший дорогу, землю, вспаханную пулями и гранатами. Дом за кирпичным забором многозначительно помалкивал.

«Из пушки садануть, – тоскливо подумал Гайдук. – И нет забора».

В глубине чердачного окна шевельнулся пулеметчик. Канбиев не дремал – выпустил прицельную очередь. Пулеметчик спрятался. Возникла патовая ситуация. Вновь установилась тишина.

– Хорошо лежим, – заметил Колотко, окопавшийся на «камчатке».

– Ты что там делаешь? – Васильев раздраженно покосился на него через плечо.

– Селфи, товарищ майор.

Спецназовцы улыбнулись. Зашевелился Мирзаев в канаве, приподнял голову. Пропела очередь, вздыбилась земля у него под носом. Пулеметчик повалился обратно в канаву, завозился. Запоздало отозвался Канбиев, сбил планку с оформления фасада. И снова стало тихо.

– Главное в окопе – не высовываться, – назидательно заметил Бредов из-под ограды.

– Мирзаев, ты в порядке? – спросил Гайдук.

– В порядке, товарищ капитан, – отозвался из канавы прапорщик. – Вот только немного успокоюсь, выпью валерьяночки.

– То, что нас не убивает... – снова взялся острить на задворках Колотко.

– Убьет позднее, – отрубил майор. – Хорош базарить, бойцы, а то договоримся когда-нибудь.

Он отшатнулся, когда в кабину экскаватора влетела реактивная граната, выпущенная из «Мухи». Рвался и корежился металл, ударная волна рванулась во все стороны. Гоготали бое-

вики. Что-то проорал Хатиев на языке родных гор. Видимо, он приказывал гранатометчику не расходовать боезапас зря.

– Черт-те что! – проворчал обрусевший татарин Эльдар Мирзаев, когда унялась дрожь земли и успокоился воздух. – Будем терпеть, товарищ майор? Давайте уж либо туда, либо сюда.

Но майор Васильев еще не принял решения, кусал губы.

– Товарищ капитан, а вы и правда в отставку собрались? – спросил Бредов у Гайдук.

– Правда, – буркнул тот. – Надоела веселая жизнь.

– А чем займетесь? Детско-юношеский спорт развивать будете? – Смешного он ничего не сказал, но бойцы захихикали.

– Чем надо, тем и займусь, – огрызнулся Гайдук. – На родину поеду. Родные там у меня.

– В незалежную, что ли? – удивился Колотко. – Типа на Украину? Ну, ясно, товарищ капитан, мирной жизни захотелось. Там сейчас такой курорт полным ходом!..

Ухмыльнулся даже Васильев, не любитель демонстрировать подчиненным свои эмоции. О том, что российский офицер Сергей Гайдук родом с востока Украины, знали все, он этого не скрывал. Служивцы были в курсе, что он рапорт об увольнении подал два месяца назад и на родину собрался. Никто не издевался, не предлагал вступить в ряды непобедимой украинской армии. Все понимали, что, какими бы ни были причины увольнения, на такое капитан не способен.

– Поговорить больше не о чем? – Капитан раздраженно покосился на Колотко. – Вот сам скажи, Андруха, чего тебе в Сочи не сиделось? По войне соскучился? В прикупе было что-то не то?

В Сочи сержант-контрактник, получивший очередной отпуск, действительно ездил. Но вернулся он на неделю раньше, весь кислый, расстроенный, и сразу начал набиваться на участие в боевой операции – неважно, в какой именно, но чтобы в опасной и громкой. Скользкую тему он обходил стороной. Но, судя по его фразе: «В ведьмах я теперь разбираюсь лучше инквизиции», в деле был замешан прекрасный пол.

Боевики опять начали постреливать. Им отвечал снайпер Канбиев, позиция которого была весьма выгодной.

– Не штурмовать! – снова прокричал из переулка заместитель Назарова. – Нельзя! Майор, это нарушение приказа! Вы не позволяете нам вести переговоры с террористами! Есть распоряжение из Махачкалы – торговаться, затягивать время. Штаб по освобождению заложников уже сформирован, он находится в здании районного отдела полиции.

– Вот же заладил как попка!.. – Гайдук от души ругнулся, прижался затылком к колесу экскаватора. – Юра, ты понимаешь, что затягивать переговоры – палка о двух концах? На что рассчитывают эти испуганные люди, даже если допустить, что они не предатели? Прибудет подкрепление, с ним и грамотные психологи? Да я зуб даю, что первыми прибегут громилы Хатиева. Прикинь, какой ад тут начнется!

– Да пропади они пропадом, – заявил майор Васильев, утирая рукавом грязный пот со лба. – Не хватало, чтобы и здесь чинуши были замешаны. Ладно, навестим этих долбанных штабистов, послушаем аргументы. Мужики, прикрывайте. Сергей, айда со мной.

Гайдук с Васильевым выкатились из-за экскаватора, пригнулись и бросились в переулок.

Глава 2

В здании отдела полиции царил суета. Орала сельчане, эвакуированные из опасной зоны, о чем-то переговаривались чиновники. Штаб по освобождению заложников, сформированный на скорую руку, заседал в кабинете начальника полиции, под картой района и портретом президента. Трое мужчин, в тоскливом молчании сидящие за столом, раздраженно покопаясь на вторгшийся спецназ. Спецназ с аналогичной нелюбовью уставился на чиновников.

– Майор Васильев, – сдержанно представился старший группы. – Капитан Гайдук. Девятая спецбригада. С добрым утром, господа. Надеюсь, для большинства присутствующих оно доброе. Обрисую суть проблемы, дабы не доводить абсурд до полного. Вчера вечером банд-группа численностью несколько десятков штыков атаковала войсковую колонну в Мазаринском ущелье. Это в сорока километрах от Бурная. Колонна была разгромлена, личный состав уничтожен. В плен к бандитам попали двое раненых военнослужащих – один из них прапорщик Суриков...

– Второй – сержант Бакиев, служит по контракту, уроженец Нальчика, хотя большую часть жизни провел в Самаре, – почти без акцента проворчал начальник районного ОФСБ капитан Камал Исмаилов, обладатель невзрачной внешности и серой кожи.

– Замечательно! – сказал Васильев. – Банда убралась обратно в горы, а Хатиев и трое его людей, захватив заложников, подались на пикапе в Бурная. Дом на улице Гамзатова, где проживает некая Ариза Масханова и трое детей. Оставим пока за скобками, зачем он это сделал.

– Ариза Масханова – одна из жен Хатиева, – подал голос упитанный начальник РОВД Назаров. – Соответственно, дети тоже его.

– Дурь какая-то. – Гайдук пожал плечами. – Разве могут жена и собственные дети быть заложниками? Ладно, я понимаю, раненые военнослужащие...

– Что касается Хатиева, то это возможно, – проворчал Долгат Таргаев, глава администрации, опухший от бессонной ночи. – Для этого гада нет ничего святого. Я уверен, что он без колебаний расстреляет не только военных, но и свою семью. Если вы пойдете на штурм, то бандит обязательно это сделает.

– Да, Хатиев урод еще тот, – проговорил Васильев. – Мы уже сталкивались с его бандой. Орешек крепкий и упертый. Своих людей он тоже не щадит. Собрались вести переговоры? Удачи, господа. Скажу вам по секрету – переговоры бессмысленны. Сколько часов он уже кукует в этом доме? Думаете, не связался со своими приспешниками в горах? Те сидят и ждут, пока к нам прибудет подкрепление? Держу пари – подкрепление попадет в засаду. Потом банда, в которой не меньше сорока рыл, войдет в Бурная, чтобы освободить главаря. Сколько полицейских и мирных жителей при этом погибнет? Вы не несете ответственность за свое население?

– Это точно, – сказал Гайдук. – Боевики будут прорываться к своему главарю, убивая всех подряд. Потеряем время, духи скоро будут здесь. Юрий Викторович, не знаю, как вам, а мне все понятно. Чего вы хотите от этих людей... с ограниченными возможностями?

Ладно, хоть лосями сохатыми не обозвал. Последовала бурная сцена. Горячие горцы с буйным темпераментом повскакивали со стульев, стали яростно кричать, жестикулировать.

Глава администрации орал, что не потерпит оскорблений в этих стенах, он пока еще главный, лучше знает, что надо для района! У него четкие распоряжения из Махачкалы – блокировать дом и тянуть время, вести с бандитами переговоры. Подкрепление уже близко!

Если бы не это распоряжение, то Таргаев и половину селения не пожалел бы, лишь бы удавить Хатиева, своего давнего врага. Но в Махачкале решили по-другому.

Таргаев продолжил:

– Есть порядок проведения подобных мероприятий, и нужно его придерживаться.

У начальника полиции Назарова щеки горели от стыда, но он не молчал. Мол, какая банда? Подельники Хатиева не осмелятся сунуться в Бурнай, а если это сделают, то получат достойный отпор! Ни в коем случае нельзя штурмовать здание. Хатиев убьет детей, убьет жену, не говоря о раненых военнослужащих! При штурме будут потери, и ответственность за это ляжет на руководство специального подразделения.

Начальник ОФСБ Исмаилов кричал, что присоединяется к мнению земляков. Идея штурма безответственна и не выдерживает никакой критики. Это глупо, бездарно, нужен деликатный, продуманный подход. Он лучше выпустит боевиков Хатиева из Бурнай, конечно, при условии, что они освободят заложников, чем позволит убить безвинных мирных людей. А Хатиев все равно свое получит, его покарает Аллах и дагестанские спецслужбы!

Нюхать эту вонь было невозможно. Спецназовцы угрюмо смотрели на буйствующих чиновников. По кабинету растекались волны страха. Возможно, эти люди не были предателями, но они боялись мести боевиков Хатиева, испытывали крайний дискомфорт от сложившейся ситуации. Больше всего на свете они хотели договориться с Хатиевым, выпустить его из Бурнай, не бередить лихо.

Гайдук насторожился. Его чуткое ухо уловило отдаленные звуки стрельбы. Сработала рация на поясе у Васильева.

– Товарищ майор, эти твари бьют из всех стволов! – раздался взволнованный голос прапорщика Мирзаева. – Они прорвутся, пока вы там с чиновниками возитесь!

– Гайдук, за мной! – вскричал Васильев, одарил всех присутствующих негодующим взглядом и бросился на улицу.

На улице Гамзатова вновь творилась вакханалия. Боевикам моча ударила в голову – они увлеченно выработывали боезапас. Такое ощущение, что духи снова собирались пойти на прорыв. Они швыряли ручные гранаты из-за забора, лупили из автоматов и пулемета, выпускали выстрелы «РПГ-7».

От «Жигулей» уцелела лишь горка металла, из которой валил дым. Экскаватор превращался в жалкое зрелище. Полицейские и спецназовцы давно отступили, но даже на тех позициях, где они окопались, было опасно.

Орал от боли полицейский, раненный в плечо, – двое коллег волокли его в переулок. Ругался Мирзаев, у которого заклинило затвор. Сержант Канбиев сменил позицию, отполз подальше от дома, временами постреливал одиночными, ругаясь при этом как сапожник.

В переулок, перегороженный транспортером, влетели Бредов и Колотко.

– Товарищ майор, они же издеваются над нами! – возмущенно заорал Бредов. – Сколько можно терпеть? У них боеприпасы не кончаются!

Васильев угрюмо посмотрел на подчиненных, на полицейских, прижавшихся к забору и давно утративших боевой дух, повернулся к БТРу, на башне которого задумчиво покуривал и что-то выискивал в телефоне сержант Зуев. Майор досадливо сплюнул – ну, точно дурдом.

Стрельба вдруг оборвалась.

– Эй, детишки! – проорал Хатиев. – Не надоело еще? А ну, живо выпускайте нас! Через двадцать минут я пристрелю сержанта!

– Есть идея, товарищ майор, – негромко сказал Гайдук, и все хмуро уставились на него. – Брать их в лоб бессмысленно. Бить прямой наводкой – тоже не выход. Пока проломим ворота, они действительно перестреляют заложников.

– Ладно, говори, – вздохнул Васильев. – Если авантюру, конечно, не предложишь.

– Не без этого, Юрий Викторович. – Капитан усмехнулся и спросил у Волгина, который с расстроенной физиономией маялся у бронетранспортера: – Лейтенант, поддержишь? Или тебе тоже нужен приказ из Махачкалы?

– Да на хрен он мне сдался, – проворчал тот. – Конечно, поддержу, мужики, боеприпасов хватает.

– Замутим ложную атаку, – сказал Гайдук. – Нужно спровоцировать этих психов раскрыть позиции.

– Не хочешь поделиться, как? – осведомился Васильев.

– Пойдем, майор. Самое время нарушить право граждан на неприкосновенность жилища.

Офицеры по-пластунски преодолели улицу Гамзатова и затаились под оградой Аслана Эльмурзаева. Боевики отметили движение, но за дымовой завесой ничего не поняли, выпустили несколько очередей и успокоились. Калитка была заперта, и дом, похоже, пустовал. Семейство Эльмурзаева в полном составе его покинуло.

Офицерам пришлось ползти вдоль ограды, выламывать штакетник. Пригибаясь, под громовой лай – собака, слава богу, была привязана – Гайдук с Васильевым перебежали двор. Замок на задней двери не выдержал удара прикладом.

Они поднялись на чердак по шаткой лестнице. Гайдук распахнул окно, офицеры извлекли бинокли, припали к окулярам. Вести огонь с данной позиции было затруднительно, но это и не требовалось. На первый взгляд все было тихо. С высоты обзор улучшился, получался вид в изометрии.

После обстрела дом, в котором сидели духи, выглядел каким-то помятым, с крыши обвалилась металлочерепица, вылетели стекла в зоне обстрела. Терраса, прикрытая оградой, выглядела целой. Просматривался пикап посреди двора, приземистое строение слева от дома – предположительно баня, совмещенная со складом хозяйственного инвентаря. Справа – сарай, деревья, угол беседки. Проявлялась часть заднего крыльца с проходом в топочное помещение.

– Смотри, Юра, – прошептал Гайдук, всматриваясь в объект. – Пулеметчик сидит на чердаке – это мы и так знаем. Справа большая комната, окно, там кто-то шевелится. В это помещение должен быть проход из топочной. Позиция там хреновая – из дома не выйдешь, и забор мешает понять, что творится за ним. Слева то же самое. На террасе перед зданием сидит гранатометчик, он тоже работает вслепую. У парня ручные гранаты, он может перебрасывать их через забор. Давай сигнал, Юра!

Васильев буркнул в рацию:

– Всем! По объекту, огонь!

Шевельнулась смутная фигура за экскаватором. Это Бредов ударил из гранатомета по навесной траектории и тут же пустился бежать. Граната взорвалась между оградой и террасой, чуть ли не на крыше пикапа.

Два ответных выстрела из гранатомета вздыбили землю между «Жигулями» и экскаватором. С чердака ударила тугая пулеметная очередь. Из-за угла с левой стороны выскочил боевик, помчался к стене. Через пару секунд он уже стрелял из автомата, возвышаясь над гребнем. Видимо, там имелась подходящая лесенка. Распахнулось окно с правой стороны дома. Оттуда кто-то вывалился, побежал к террасе и тут же пропал за деревьями.

Майор передал приказ:

– Тишина!

Стрельба оборвалась так же внезапно, как началась. Над округой стелился дым. Автоматчик побежал обратно к дому.

– И какие соображения, умник? – проворчал Васильев.

– Их четверо, – сказал Гайдук. – Вся компания на позициях. Четыре огневые точки. Этим ребятам мешает кирпичный забор, хотя, с другой стороны, он же их надежно прикрывает. Момент истины, Юра. Заложники не охраняются. Они где-нибудь в подвале, если живы. Там же наверняка и женщина с детьми. Возьми за шиворот замначальника полиции. Он испуган, но вменяем. Пусть прикажет, чтобы снайпер со скалы по своим не стрелял. Звони подполковнику Лебедеву, получай добро на операцию. Пусть изыскивает людей, блокирует возможные пути подхода основных сил духов. Дальше тянуть просто преступно. Сажай лейтенанта Волгина в БТР. Парень все поймет даже без приказа свыше.

– Черт, точно авантюра, капитан! – Васильев скрипнул зубами.

– С нами бог и фактор внезапности, Юра. – Капитан вспотел от волнения, но настроен был решительно. – Время выходит, а Хатиев не блефует. Он действительно будет расстреливать пленных. Поэтому надо вывести БТР из переулка на огневую позицию и из «КПВТ» ударить по чердаку. Первым делом необходимо уничтожить пулеметчика. Мирзаева и Бредова направляем на правый фланг. Они обстреляют навесом террасу. Канбиева на левый фланг. Пусть переберется через ограду, когда начнется шум, и из-за бани держит левое окно. Мирзаев и Бредов повторяют действия Канбиева, только справа. Ты, я и Колотко ныряем в сад, выходим к тыловой двери. Если кто-то из духов выживет, то не успеет спрыгнуть в подвал, чтобы ликвидировать заложников. Да и зачем ему это надо, если, конечно, этим выжившим не окажется главарь. Подорвем дверь, я пойду на Хатиева, ты прикроешь меня, связист закроет сад.

– Красиво говоришь, Сережа. – Васильев недоверчиво усмехнулся.

– Красиво, – согласился Гайдук. – А сделать надо еще красивее. Сам свяжешься с Лебедевым, Юра, или меня попросишь?

– Ариза, твою мать, сюда иди! – прорычал коренастый боевик, выбираясь из комнаты в коридор.

Он был без головного убора, плешь на макушке блестела от пота, борода клочками торчала в разные стороны. Сбилась камуфляжная куртка, штаны провисли, образовав вместительную мотню. Он держал за цевье «АК-74». Боевик покосился через плечо на проход в топочное помещение. Задняя дверь была заперта на засов.

– Я здесь, Нурбала. – Маленькая женщина, закутанная в длинный платок, выскользнула из гостиной, бесшумно подбежала к мужу, стала заискивающе заглядывать ему в глаза.

От прежней строптивой крикуньи не осталось и следа. Ее щеку и левый глаз украшал устрашающий синяк.

– Воды принеси, – прохрипел боевик.

Женщина бросилась на кухню, через несколько секунд примчалась обратно с кружкой. Хатиев пил шумно, жадно, отфыркиваясь и срыгивая. Кружку не вернул, отбросил в коридор. Она запрыгала по полу.

– Хорошо!.. Что с детьми?

– Они в гостевой комнате, Нурбала, я с ними. Дети напуганы, я стараюсь их успокоить.

– Дура-женщина! – взревел боевик.

Женщина съежилась, ее глаза испуганно заблестели.

– Живо уводи их из комнаты, спускай в подвал. Там и сидите. И никаких разговоров с вояками! Проверь, как они связаны. Вперед!

Повторять приказ не имело смысла. Женщина уже уносилась, забавно выгибая коленки. Боевик раздраженно посмотрел ей вслед, сплюнул, широким шагом пересек коридор, гостиную, вышел на застекленную террасу, где были задернуты шторы. Ткань порвана осколками гранаты, разорвавшейся во дворе, многие стекла выбиты.

На террасе расположился бритый наголо Булат Кандар. Щетина на землистой коже торчала иглами, поблескивали воспаленные глаза. Он заряжал «РПГ». Из рассеченного виска текла кровь, но он ее не замечал.

– Все в порядке, Булат?

– Все отлично, Нурбала. Долго ждать?..

– Недолго, – ответил Хатиев. – Довлат с людьми уже на подходе. Аллах за нас, надо лишь немного потерпеть.

– Ясно. – Боевик ухмыльнулся. – Лишь бы русские подольше потерпели.

– Потерпят, – уверенно заявил Хатиев, покидая террасу.

В гостевой комнате Тимур Джахотов, худой, но жилистый, с бородкой, торчащей как у козла, раскладывал на подоконнике гранаты – две «РГД» и одну «Ф-1».

Продержаться осталось недолго. Не пойдут эти вонючие гяуры на штурм, им заложники живыми нужны.

– Нурбала, русские БТР выводят! – внезапно заорал сверху пулеметчик Арсен Иваков.

Хатиев отшатнулся от перил лестницы, ведущей на чердак. Вот шайтаны! Он только и успел занести ногу над ступенью. Пулеметчик разразился трескучей очередью, но продолжалось это недолго.

Сержант Зуев, прогнавший с места водителя Долганя, действовал умело. БТР выпрыгнул из переулка, дал вираж, огибая останки экскаватора, встал на огневую позицию. Лейтенант Волгин тоже не дремал. Трескотню «РПК» перекрыл оглушительный грохот крупнокалиберного «КПВТ». Лейтенант, не размениваясь на мелочи, долбил по чердачному окну. Пули крошили в щепки оконную раму, превращали в решето кирпичную стену.

Прозвучал короткий, но душераздирающий вопль. Ивакова отшвырнуло от окна прямым попаданием, тело, истерзанное пулями, точно вписалось в лестничный проем, покатилося по ступеням. Хатиев отшатнулся. Мертвец сделал заключительный кувырок и распластался под лестницей. Хатиев заметался, споткнулся о брошенную кружку.

БТР остановился у ворот, не рискуя их таранить.

– Нежданчик, да? – Зуев радостно засмеялся.

Но светопреставление только начиналось. Бредов, Канбиев и Мирзаев уже перелезли через стену, открыли ураганный огонь по окнам. Разлетались стекла, вываливались рамы. Вопил раненый дух. Трое других уже бежали наискосок по саду к задней двери.

Гайдук молил господу об одном: только бы снайпер на скале не начал стрелять! Ошалел, поди, от неожиданности. Но все обошлось.

Майор Васильев первым подбежал к крыльцу, сунул гранату под дверь. Офицеры рухнули на землю, зажали уши. Крыльцо подпрыгнуло, рассыпалось на дрова. Дверь скособочилась, потом повалилась от сокрушающего пинка. Ну и все, сняли остроту проблемы.

Гайдук оттер плечом майора, ввалился в коридор, прижался к стене. Дальше он понесся скачками, только крикнул через плечо, чтобы зачистили топочную. Под лестницей валялся труп – ясное дело, пулеметчик. Капитан летел по коридору мимо гостиной, каких-то комнат. С террасы прозвучал гортанный выкрик, и Гайдук едва не дал маху. Он влетел на террасу – навстречу автоматной очереди! – и вовремя рухнул на колени. Пули прошли над головой.

Вторая очередь захлебнулась. Бритый наголо боевик выронил «АК», упал, из его горла сгустками вывалилась кровавая масса. Такое ощущение, что он собрался что-то сказать, но передумал и рухнул мордой в пол. В выбитом окне ухмылялся Бредов, продырявивший бандиту загривок.

– Ты уже здесь? – Гайдук облегченно выдохнул.

– Еще как здесь, товарищ капитан. Вы бы осторожнее, что ли, а то не ровен час...

– Ладно, не учи.

Где Хатиев, мать его?! Гайдук помчался обратно, влетел на шум в комнату слева по коридору. Там Колотко и Мирзаев заламывали руки жилистому боевику, решив зачем-то взять его живым. Тот хрипел, извивался, козлиная бородка торчала колом. Боевик был ранен, обливался кровью, но сопротивлялся с решимостью обреченного. Он извернулся и засадил коленом Мирзаеву в живот. Тот охнул, отпрянул.

Колотко не спал, врезал головой. Удар вышел мощным, от такого и слон не оправился бы. Ноги бандита подкосились, но он еще сопротивлялся. Взбешенный Колотко дубасил кулаком по глазам, по переносице. Два удара – чтобы выбить дух, третий – на всякий случай, четвертый – из любви к искусству. Боевик стонал, корчился на полу.

– Произвел задержание, – сообщил Колотко, заламывая бандиту руки. – И что теперь с ним делать?

– Прости и отпусти, – посоветовал Мирзаев, держась за живот. – Про контрольный в голову не забудь. Ума не приложу, на хрена он нам сдался живой.

– Где Хатиев? – спросил капитан у бойцов.

Те пожали плечами.

– Здесь где-то.

Гайдук вылетел в коридор, побежал к тыловому выходу и чуть не столкнулся с взмыленным майором, прочесывающим правую сторону дома.

– Где Хатиев?

В этот момент офицеры уловили скрип окна в полуподвальном топочном помещении и рванули туда. В комнату, заставленную котлами и увитую трубами, проникал тусклый свет из окна под потолком. Рама была распахнута, из окна торчал зад, обтянутый камуфляжными штанами. Он совершал возвратно-поступательные движения и был уже почти на улице. Рыча от возмущения, спецназовцы бросились к окну, одновременно подпрыгнули, каждый вцепился в «свою» ногу. Хатиев сопротивлялся, обламывал ногти, рычал как джип, застрявший в сугробе. Но хватка слабела, он с протяжным воем оторвался от окна, свалился на пол. Бандит хрипел, извиваясь в ногах у спецназовцев, мутным страхом заволкло глаза.

Офицеры разглядывали его с живым любопытством и толикой недоумения. Ничего особенного. Зверь, безжалостный аморальный тип, наводящий ужас на мирные дагестанские селения, самый одиозный из всех главарей бандподполья – и все это в лысоватом мужичонке с перекошенной рожой и глазами, опутанными страхом.

– И что в нем такого? – пожал плечами капитан. – Обычное недоразвитое чмо.

– Этого типа все знают лишь с плохой стороны. Хотя я подозреваю, что с хорошей он еще хуже, – отозвался Васильев.

Гайдук засмеялся. Поверженный боевик внезапно извернулся, его глаза зажглись. Он неуловимым движением выхватил из голенища нож! Сверкнуло лезвие, совершая круговое движение. Страшная штука – остаться с перерезанным сухожилием в голени!

Гайдук отпрыгнул, пнул по запястью, перебил лучевую кость. Хатиев завизжал от ослепительной боли. Нож вылетел, ударился в стальной котел, и лезвие переломилось. Хатиев завертелся как раздавленная муха, выплевывал брань, угрозы, клятвенно заверял спецназовцев, что им теперь не жить.

Обозлившийся Гайдук рывком перевернул бандита на живот, заломил руки. Васильев выдернул из брюк Хатиева ремень и затянул запястья, не обращая внимания на то, что одно из них сломано.

– Заметь, Юра, это не я предложил взять его живым. Насколько я помню, такого приказа не поступало, – сказал Гайдук.

– Согласен, Серега. – Майор сокрушенно вздохнул. – Этот тип представляет опасность для окружающей среды. Но не убивать же безоружного. Хотя по-хорошему надо бы!..

Страдающего бандита выволокли за шиворот в коридор. Операция подходила к концу. Двоих участников бандформирования ликвидировали, двоим сохранили жизнь. Субъект с козлиной бородкой жалобно стонал, слизывая кровь с губ, что вряд ли могло растопить суровые сердца спецназовцев. Связанных ваххабитов оставили в коридоре под опекой Канбиева и пошли в подвал.

Там скулила женщина, плакали дети – девочки шести и десяти лет. В дальнем углу стонали и матерились пленники, посаженные на цепь. Презрительно кривился подросток лет четырнадцати – с гарантией, будущий ваххабит.

– Сволочи, что вы сделали с моим мужем?! – завизжала Масханова и бросилась на Васильева.

Майору пришлось применить силу. Женщина упала туда, где сидела, обняла трясущихся дочерей.

– Все в порядке, – проговорил майор. – Твой муж пока жив.

– Как вы? – Бредов присел перед заложниками.

– Хреново, но терпимо, – ответил окровавленный прапорщик Суриков.

Сержант Бакиев надрывно кашлял, гремя кандалами. Он мог общаться лишь на языке жестов и звуков, но и они достаточно красноречиво описывали состояние парня.

– Прапорщика и сержанта на улицу, пусть их осмотрит врач, – приказал Васильев. – Трупы во двор, пленных засранцев – туда же. Пусть местные поработают, хватит уже груши околачивать! Отвести БТР, очистить территорию. Не забываем, что на подходе свежие бандитские силы, а нас по-прежнему с гулькин нос!

Только вывалились в коридор, как обомлели. Боевик с козлиной бородкой пребывал в каком-то бурном беспамятстве, бодался со стеной, а Нурбала Хатиев пропал!

Бледный сержант Канбиев поднимался с колен, держась за разбитую голову.

– Товарищ майор, он развязался, – пробормотал он. – Хрен его знает, как оно вышло. Виноват, не принял меры. Он туда побежал. Скорее!.. – Сержант ткнул трясушимся пальцем в направлении черного хода.

Бандит еще и автомат прихватил! Вот уж точно – виноват! Майор Васильев плевался словами, весьма уместными в подобной ситуации. Гайдук уже прыжками несея по коридору.

Васильев припустил за ним, рыча на бегу:

– Остальным во двор! Окружить дом, держать периметр!

Гайдук уже выпрыгнул из здания, и тут сработал инстинкт. Правое плечо вперед, капитан завалился на бок, перекатился на землю, и автоматная очередь прошла дверную раму над головой! Мелькнул силуэт между деревьями. Хатиев бросился в гущу кустарника, затряслись ветки.

Гайдук взлетел на колени, выпустил прицельную очередь по кустарнику. Мимо! Капитан ругнулся, помчался прыжками. Хатиев бежал к задней стороне кирпичного забора.

Почему не стреляет полицейский, засевший на скале?! Ума не хватает понять, кто тут хороший, а кто плохой? Парень, похоже, растерялся. Он не мог не видеть, как Хатиев бежал по саду, но стрелять не стал. А вот когда в поле зрения появились бойцы спецназа, этот герой решил наверстать упущенное! Тугая очередь прошла воздух, раскалившийся от июльского солнца. Ну, точно, знак нужно ставить «Осторожно, лоси»! Гайдук споткнулся, снова покатился по земле, обрастая ссадинами и ушибами.

Охнул Васильев, спрыгивая с крыльца. Он подвернул ногу, увертываясь от пуль. Постарел Юрий Викторович, нет уже прежней гибкости в суставах. Майор захрипел от боли, начал подниматься, вскрикнул и упал на колено.

– Юра, отставить! – проорал Гайдук. – Уходите в дом, сам справлюсь! Эй, кретин, не стрелять! – проорал он «повелителю скалы» с оптическим прицелом и помчался дальше.

Похоже, полицейский включил голову, стрельба оборвалась. Но в Хатиева он тоже не стрелял! Предательство? Трусость? Слепой, глухой и тупой? Хатиева принял за своего, а Гайдука за чужого?

Капитан передвигался зигзагами, влетел в кусты, продрался через колючки. Фигура главаря банды виднелась за зеленой массой на северо-восточной стороне периметра. Для снайпера Хатиев уже находился в слепой зоне, а Гайдук – еще нет! За спиной было тихо. Только в доме ругался Васильев, собирая спецназовцев.

Сергей запыхался, усталость гнула к земле. Он сутки не спал. Сразу после задания по конвоированию груза в Мордабек группу бросили в Бурнай, не дав даже перекурить! Он выскочил на открытое пространство, рухнул на колени, вскинул автомат. Мишень плясала перед глазами, пот заливал лицо.

Хатиев копошился под стеной, его загораживала разросшаяся зелень. Слышались душе-раздирающие стоны – неприятно, должно быть, орудовать сломанной рукой. Бандит почув-

становал, что становится мишенью, дернулся как припадочный, обернулся и рассыпал веером длинную очередь. Пули выбили клочки дерна под ногами.

Гайдук оттолкнулся, покатился к деревьям и выронил автомат. Когда капитан поднялся, Хатиев уже не стрелял. Он прислонил к стене лестницу, спрятанную под ней, швырнул через ограду автомат и полез наверх – весьма проворно, учитывая поврежденную руку. Бандит был уже практически на гребне стены.

Сергей помчался напролом – не было времени подбирать упавший автомат. Решали секунды. Груз амуниции тянул к земле, заплетались ноги. Он на бегу расстегнул жилет с кевларовыми пластинами и кармашками для магазинов, сбросил с себя эту тяжесть, остался лишь в штанах и пропотевшей защитной майке. Бежать стало легче.

Но какая досада, черт возьми! Хатиев уже слетел с забора, а перед тем как оттолкнуться здоровой рукой, сбросил лестницу. Когда Гайдук подбежал к ограде, она валялась в траве. Чертыхаясь, он пристроил к кирпичной кладке шаткую конструкцию, забрался на стену, не стал красоваться там, представляя идеальную мишень, а сразу перевалился через нее и упал на землю.

Да, капитан не ошибся. Очередь превратила ровный верх забора в зубчатый. Второй Гайдук не дождался. Он пополз, обдирая штаны о корни, торчащие из склона, перекатился, раздвинул ворох травы. Местность перед ним была сильно пересеченной. Скалы, канавы, заросли травы и кустарника, очажки цветущего рододендрона...

Сгорбленный бандит в мятом камуфляже форсировал канаву и ковылял за скалу. Хатиев волок за ремень автомат Канбиева – видать, не все патроны извел.

Сергей заскрипел зубами – он остался практически безоружным, только нож на поясе в ножнах. Капитан поднялся и побрел за удаляющимся боевиком. Сил оставалось очень мало, их стоило беречь. На помощь рассчитывать глупо. Пока свои догонят да разберутся, куда сместился эпицентр событий!..

Хатиев обернулся, его физиономию исказила хищная ухмылка. Он вскинул автомат, полоснул очередь. Гайдук увернулся и лег. Здесь было где спрятаться. Хатиев отступил за скалу, но уходить не спешил, держал автомат на взводе.

Сергей ругнулся, отполз в сторону, высунулся. Местность полого вздымалась, скалы грудились в хаотическом беспорядке, перемежаясь с ершистыми кустами. За вершиной косогора пряталась грунтовая дорога, петляла между холмами. Дальше местность снова шла вверх, превращалась в горно-пересеченную. Требовался обходной маневр.

Капитан пополз по дну канавы, держа курс на каменистый холм. Как сказал бы скорый на язык Бредов, для бешеной собаки семь верст не крюк.

Это было какое-то изматывающее состязание. Хатиев понял, что его обходят, что скоро подойдут другие спецназовцы. Он бросился на холм, увязая в траве. Когда Сергей, обливаясь потом, возник под скалой, Хатиева там уже не было. Он уходил прочь, пошатываясь, ежесекундно озираясь.

Сергей бросился за ним, путаясь в траве, проваливаясь в ямы. Дико разнылась голова. Перед глазами плясала сутулая спина в драном камуфляже. Силы иссякли у обоих, но они как-то передвигались. Временами Хатиев останавливался, стрелял одиночными. Гайдук не реагировал на это. Пули пролетали в стороне.

«Неужели трудно засечь эти выстрелы? – со злостью думал он. – Мужики, вы где?»

Преследование продолжалось долго, но расстояние не сокращалось. Капитан увидел, как бандит вскарабкался на дорогу и зашатался.

«Ну и все! – обрадовался Сергей. – Батарейки сели!»

Но главарь не собирался так просто сдаваться. Он поднял автомат, выпустил последние патроны, отбросил его. Лицо боевика почернело от усталости и страха. Он повернулся, сделал

несколько шагов и вдруг грузно побежал по дороге, переваливаясь, как медведь. С него почти сваливались штаны без ремня, но он бежал.

Сердце капитана бешено забилося – уйдет же, гад! Откуда взялись силы? Сергей припустил за ним, тяжело отдуваясь. Хатиев свернул с тропы, полез на гору. Рука висела плетью, ноги подгибались, но он не сдавался. В двух метрах от косогора бандит рухнул на колени, добрался до гребня, заполз на него.

Вершина холма была такой же изрытой. Канавы, бугры, пышные грабы со стволами, растущими пучком, поляна, окруженная ямами, большерукое дерево с несколькими стволами – к нему и ковылял Хатиев, теряющий силы.

Гайдук ускорился, мобилизуя все, что оставалось в организме, выхватил нож. Ну вот, наконец-то дистанция стала сокращаться! Хатиев оступился, насилу выпрямился. Пройти мимо дерева он уже не смог, привалился к нему. Спина бандита тяжело вздымалась и опускалась. Гайдук облегченно вздохнул. Настало время обменяться мнениями! Он медленно подходил, обнажая нож.

Бандит смотрел с ненавистью, тяжело, муторно. Боль в руке сводила его с ума. Он отвел поврежденную конечность, пристроил ее на ствол, торчащий под углом, перевел дыхание.

– Что, сука, догнал? – прохрипел Хатиев.

– Вроде того, – спотыкаясь, выдавил Гайдук. – Добегался, атаман. На колени, руки за спину! – Он остановился в нескольких шагах от загнанного бандита.

Тащить такую тушу обратно? Ну уж нет.

Хатиев тяжело дышал. Весь в поту, в грязи, с листвой, запекшейся в бороде, он смотрелся жалко и совсем не страшно.

– А если не встану, что тогда?

– Решим проблему. – Гайдук пожал плечами.

– Может, договоримся? – Ухмылка перекосила серую от грязи рожу.

– Договоримся. – Сергей невольно поморщился – пульсирующая боль долбила по стенкам черепа. – Со всеми, Хатиев, договоримся. Вас не так уж и много...

Только без ошибок! Быстрое движение глаз, напрягшееся туловище!.. Здоровая рука бандита скользнула по бедру, выхватила из бокового коленного кармана пистолет Макарова. Сюрприз! Понятно, почему он не мог извлечь его ранее – слишком далеко запрятал, потеря времени. Патрон уже в стволе, осталось лишь флажок предохранителя перевести.

Сергей швырнул нож, не задумываясь, мощно, с вывертом, хотя и не совсем точно в связи с утомленностью. Незаменимое оружие штурмовых подразделений антитеррора дважды перевернулось в воздухе, пробило лучевую кость сломанной руки, пришилило ее к стволу граба. Получи вместо тысячи слов, ублюдок!

Бандит завопил так, будто у него парашют не раскрылся, надулся, побагровел, глаза его чуть не выпали из орбит. Он дернул руку, чтобы освободиться, и чуть сознание не потерял. Хатиев задергался, завыл, собрался вскинуть «ПМ», не соображая, что выронил его.

Сергей облегченно вздохнул. Голова перестала раскалываться. Ничего себе, болеутоляющее средство!..

Но даже в этой ситуации Хатиев на что-то надеялся. Он похабно ругался, клял проклятого гяура, схватился здоровой рукой за рукоятку ножа, стал вытаскивать его. Но лезвие прочно вошло в дерево. Бандит только рвал себе кожу и вены.

Гайдук подошел поближе, с интересом понаблюдал за тщетными потугами, подобрал пистолет, приставил бандиту ко лбу.

– Подожди, не стреляй!.. – Хатиев задергался. – Хочешь денег? Много!.. Ты даже не знаешь, что бывают такие деньги. Хочешь дом под Махачкалой? Квартиру в Москве?

Сергей вздохнул. Ему решительно не хватало квартиры, а также всего остального.

– Спасибо. – Он улыбнулся. – Но в текущем финансовом году штаны с меня не сваливаются. В отличие от некоторых. – Капитан перехватил пистолет в другую руку и от всей души врезал кулаком под верхнюю губу.

Челюсть хрустнула как хворостина, раскрошились зубы, кровь потекла из рассеченной губы. Хатиев обмяк, раскрыл рот, но вместо слов оттуда вывалился кровавый сгусток.

– Беззубо выглядишь, Хатиев, – заявил Гайдук.

И тут как подсвечником по лбу ударила злобная автоматная очередь! Не менее десятка бородатых боевиков, увешанных оружием, высыпали на поляну. Они гортанно кричали, матерились на чистом русском. Прибыли с гор на подмогу главарю, завернули на шум!

Гайдук чуть не взревел от отчаяния. Вот и уволился из армии! Вроде не было сил, а кувырнулся как гуттаперчевый акробат из цирка-шапито! Свистели пули, победно орали бандиты, а он летел прочь с поляны до ближайшей канавы, заросшей сорным разнотравьем. Его не зацепила ни одна пуля. Он повалился в расщелину, куда-то пополз, с изумлением отмечая, что сжимает в руке «ПМ», конфискованный у бандита. Ну ладно, хоть так.

Пальба оборвалась. Сергей отполз в сторону, осторожно приподнял голову. До гущи кустарника оставалось метров десять – проблематично их преодолеть, не подцепив пулю. С обратной стороны еще печальнее.

Сотрясаясь от судорог, Хатиев сползал по стволу – ноги не держали его. Задралась рука, пригвожденная к дереву, лезвие рвало ее вдоль. Все это смотрелось жутко и кроваво. К Хатиеву подбежал здоровяк в камуфляже, подставил плечо. Другой схватился за рукоятку ножа, стал расшатывать застрявшее лезвие. По поляне с оружием на изготовку сновали люди характерного вида. Трое, передернув затворы, крадущейся поступью направлялись к канаве, чтобы расправиться со сбежавшим спецназовцем.

В груди капитана стало как-то холодно. Его увидели! Оскалилась гнусная рожа, обрамленная ваххабитской бородкой. Пули вспороли косогор. Капитан рухнул на дно канавы.

Последовал едкий комментарий:

– Эй, военный, покажи личико, не прячься.

Он сам избрал себе такую профессию. Никто не неволил. Умереть красиво? А так хотелось увидеть маму, живущую в «прифронтовом» украинском городе Новодиеве, сестру Дашку. Он стиснул рукоятку, начал вставать с твердой решимостью забрать с собой хотя бы двоих.

Но вдруг шквал огня ударил из кустов за спиной Гайдука! Сергей присел от неожиданности, чуть не проглотив язык. Опять нежданчик? Плотность огня была настолько высокой, что у людей, оказавшихся на поляне, не оставалось шанса. Пули кромсали тела, они тряслись, как куклы в театре марионеток, валились вразнобой.

Очередь прошла Хатиева – его так и не успели оторвать от дерева. Он безвольно повис, превращенный в решето. Повалились те, кто был рядом с ним. Боевики метались, кто-то пробовал открыть ответный огонь, но тут же падал за смертью. Кто-то бросился бежать и рухнул, наспигованный свинцом. По поляне стелился едкий запах гари.

Через несколько секунд не осталось никого. Стонал раненый, пытаюсь ползти. Пуля пробила ему голову, он уронил ее и застыл. За деревьями вспыхнула стрельба. Вторая часть банды тоже попала в засаду. Из кустов выскакивали люди в шлемах, при полной амуниции, перебежали поляну, скрывались за деревьями.

Один из них крикнул, пробегая мимо:

– Физкульт-привет, Серега! Как настроение?

– Не спи, капитан, – заявил другой. – Замерзнешь.

Какие родные голоса!.. Кружилась голова, осознание происходящего давалось с трудом. Гайдук выбирался из канавы, но руки не слушались, он сползал обратно. В итоге капитан бросил это занятие, распластался на камнях, пристально разглядывал ослепительно голубое небо.

Кто-то кряхтя спустился в канаву, пристроился рядом с ним, снял шлем.

– Сдавайтесь, вы окружены, – пошутил подполковник Лебедев собственной персоной. Сергей вздохнул и начал вставать.

– Да ладно, лежи, – смилостивился начальник. – Ты так удобно устроился, жалко тревожить. И что мы здесь делаем, Гайдук?

– Работаем удаленно, товарищ подполковник.

Лебедев оценил шутку, добродушно засмеялся.

– Вижу, справляешься, капитан, но силы ты явно не рассчитал. Ладно, все в порядке, майор Васильев доложил по радиации, что вы с Хатиевым отправились в бега. Пришлось части группы изменить маршрут – и очень удачно, знаешь ли, попали. Банда Довлета Долгаева, спешащая к Хатиеву, тоже зашла на огонек. Надеюсь, до Бурная они теперь не доберутся. Банд-группу блокировали у дороги и в лесу. Я уже в курсе, что вы наделали в Бурнае. Неплохо, знаешь ли, очень даже. Ваше счастье, что без потерь, иначе на эту самодеятельность мы посмотрели бы по-другому. Эй, капитан, ты жив? – Подполковник потряс Гайдука за плечо.

– Жив, товарищ подполковник, что мне делается.

– Пожелания есть?

– Скромное, товарищ подполковник. Похороните меня на Мальдивах, а?

Лебедев гоготнул.

– Ты вроде был уже в отпуске... ну, если можно так выразиться. Какие Мальдивы, капитан? Ты же на свою воюющую родину собрался. Или передумал уже?

– Не передумал, товарищ подполковник. Ухожу я от вас, хватит, навоевался. Да и злые вы.

– Ладно, шут с тобой. – Лебедев поднялся и погрозил пальцем. – Все, некогда мне. Сам доберешься, или носильщиков прислать?

– Сам, товарищ подполковник.

Устал он чего-то, еле ноги тащились. Преодолеть шестьсот метров оказалось равносильно переходу через Альпы. На улице Гамзатова было как-то нервозно. Шустрила местная полиция, обрадованная тем, что можно безопасно выполнять свои обязанности. Подтянулись ободрившиеся чиновники. Из дома выносили мертвых бандитов.

Сергей облился холодной водой, и ему стало легче. Он добрал до сада на задворках, отыскал автомат, жилет, погрозил кулаком снайперу, который, казалось, окаменел вместе со скалой. Тетерев, блин!

– Посмотри-ка, красавец! – Васильев как-то смущенно, словно стесняясь, заключил Гайдука в объятия.

– Не сказать, что сохранил свежесть и товарный вид, но выглядит неплохо, – поддержал Бредов.

Операция проходила на грани фола, но вроде справились. Банду уничтожили, обошлось без потерь заложников и личного состава. Как-то стеснительно улыбался лейтенант Волгин. Сержант Зуев, гордый, восседал на башне транспортера, как орел на вершине Кавказа, и учил жизни механика-водителя Долганя.

С деловой физиономией шнырял начальник полиции, подгонял своих подчиненных, занимающихся непонятно чем. Глава районной администрации бодро рапортовал по сотовому в Махачкалу, что операция под чутким руководством местных чиновников прошла успешно, Хатиев ликвидирован.

Мертвых боевиков выносили из дома. Выживших заложников из состава колонны внутренних войск погрузили в подъехавшую «Газель». Сержант Бакиев был без сознания. Прапорщик Суриков жал руки всем, до кого мог дотянуться. Детей увезли в медпункт – в том числе и злобного подростка.

Мертвого Хатиева, в отличие от прочих боевиков, убитых в лесу, привезли в отдельном фургоне и сгрузили посреди двора. Собралась толпа любопытных. Люди таращились на истерзанное пулями тело, робко улыбались, переговаривались.

– Еще один красавец, – проворчал Канбиев, осторожно трогая повязку на пострадавшей голове. – Вот кому блистать в анатомическом театре.

Прибежала взъерошенная Ариза с трагической миной на лице, свалилась перед телом, стала биться в истерике.

– Сволочи, презренные неверные! – кричала она. – Ненавижу вас всех! Верните мне моего мужа! – Она вновь бросилась с кулаками на майора Васильева, стала колотить его, забрызгивать слезами.

Майор сосредоточенно хмурился, кусал губы, видимо, подбирал цензурные слова.

– У нее что, не все дома? – осведомился с брони сержант Зуев.

– Да у нее вообще никого дома, – заявил Бредов и отвернулся.

Операция закончилась. Спецназовцы засобирались на базу. Они простились с бойцами лейтенанта Волгина, сели в свой джип. Колотко за баранкой клевал носом. Майору приходилось покрикивать на него, особенно в те мгновения, когда дорога пролегла мимо обрывов. Бредов извлек из-под сиденья фляжку, подбросил, задумчиво посмотрел на Васильева.

– Ну и чего уставился? – Майор отобрал у прапорщика фляжку, открутил крышку и сделал неслабый глоток.

Лицевые мышцы свела судорога, лицо побагровело.

– Что за дрянь у тебя, прапорщик? Впрочем, неважно. – Подобревший Васильев передал фляжку Гайдуку.

Бойцы по очереди прикладывались к живительной влаге, произведенной на далекой Смоленщине тещей Бредова.

– Тройная перегонка, товарищи офицеры, – гордо комментировал тот. – Настояно на луговых травах, не только вкусно, но и полезно. А тебе нельзя! – Он злорадно хохотнул, перехватив укоризненный взгляд Колотко, и тут же сжалился. – Юрий Викторович, может, и водителю нальем? Тоже ведь человек. Чисто в плане полечиться? А то ведь осерчает, сбросит нас в пропасть.

Бредов зубоскалил, Мирзоев и Канбиев хихикали. Гайдук уже пришел в себя и настоженно оглядывал пейзажи, проплывающие за окном. Опасность в этой местности никто не отменял. Грунтовая дорога вгрызалась в горный кряж, мимо проплывали липовые и грабовые рощи, овраги, заросшие хвойным стлаником.

– Ты точно решил уйти? – вернулся Васильев к обсуждению скользкой темы. – Может, одумаешься? Чем тебе плохо в армии? Нет, пойми, я не издеваюсь, понимаю, что сегодня ты был на волосок от гибели...

– Юра, прекращай! – Сергей поморщился. – Говорено уже. Ты же знаешь, я не трус, опасностям не кланяюсь. Просто хватит, навоевался. Жизнь одна, а мне уже тридцать шесть. Шестнадцать лет в армии, пора и честь знать. Жизнь уставом, знаешь ли, не ограничивается.

– Так оставайся в России, – урезонивал его майор. – У тебя здесь друзья, связи. Устроишься на хорошую работу. Я поговорю с приятелем, он поставит тебя курировать банковскую службу безопасности.

– В сложное время живем, – отшутился Гайдук. – Банки лопаются как шарики. Пойми меня правильно, Юра. Да, я русский, полжизни прожил в России, служу ей верой и правдой, люблю ее, несмотря ни на что. Но сам я с Украины. Городок такой – Новодиев, может, слышал? Днепропетровская область. Сорок тысяч душ. Мать там у меня, Клавдия Павловна. Отец скончался год назад. Там же сестра Дарья – на соседней улице с семьей живет. Муж вроде нормальный, бизнес раскручивает – автосервис, пара моек, шиномонтаж. Магазинчик автозапчастей прикупил. Племянницу мою растят – Лизку. Четыре года девочке.

– Ну, живут, а ты чего туда собрался? Съезди, погости да шуруй обратно в Россию.

– Поживем – увидим. – Сергей сделал неопределенный жест и усмехнулся: – У меня еще невеста во Львове – Марина. Окончила тамошний университет, в нем же и преподает, на факультете экономики. Был у нее в ноябре последний раз, помолвку сыграли, соскучился уже.

– Где, говоришь, невеста? – изумился Васильев.

– Во Львове.

– Чудно, Серега! – Майор озадаченно почесал висок. – Далекое не дружественный город.

– Так получилось, Юра. Судьба занесла. Сама она с Полтавы. Мы с ее братом в двухтысячном году в Чечне вместе служили. Он гражданин России, она – Украины, пересеклись втроем в белорусском Гомеле. Перепуталось все.

– Так привози ее к нам, в чем проблемы? Нужны заморочки на чужбине?

– Не чужбина. – Гайдук вздохнул. – Меня в Новодиеве каждая собака знает. Городок-то русский. Вернее, русскоговорящий. Нормальный, мирный. Не знаю, правда, что там сейчас. – Капитан помрачнел.

– Должны обрадоваться капитану Российской армии, – мрачно пошутил Васильев. – Сделают почетным жителем города...

– Мать и сестра писали. – Гайдук продолжал мрачнеть. – По скайпу общались. Чувствую, Юра, что-то там не так. Вроде веселые, улыбаются, а что-то мешает им жить нормально. Глаза какие-то грустные, боятся чего-то. Мать болеет, нуждается в уходе, но дело даже не в этом. Чую нутром – неважные дела у них.

– Так война там идет, – напомнил майор. – Ополченцы Славянск сдали.

– Новодиев далеко от войны, – отмахнулся Сергей. – Мы в тылу, прикрыты Днепропетровском, в нашей области все спокойно. Спрашиваю – что не так? Делают удивленные глаза. Мол, все в порядке, Сережа, не переживай, только приезжай скорее, если сможешь. Тревожно мне, Юра.

– А мне за тебя тревожно, – проворчал майор. – Странно как-то, Серега. Когда ты на Хатиева в одиночку пошел, не боялся за тебя. А как заводишь речь про Украину, так беспокойно на душе.

– Чувствительный ты стал, майор. Может, полечишься? – Гайдук покосился на почти приконченную фляжку.

Глава 3

Вечером того же дня пришел приказ на увольнение капитана Гайдук из Вооруженных сил Российской Федерации. Он лежал в своей комнате в общежитии, забросив ноги на стену, в десятый раз перечитывал скупой текст и чувствовал, как тоска подгребают к горлу. Шестнадцать лет – не короткая неделя. Слишком много связано с этим противоречивым монстром под названием «Российская армия».

Вторая чеченская кампания – служба по контракту, сразу после срочной, ранение под Аргуном, три месяца в госпитале. Училище, направление в отдельный гвардейский полк специального назначения, год в чеченских и дагестанских горах. Переезд на Дальний Восток, в отдельную бригаду спецназа ГРУ, двенадцать месяцев относительно спокойной жизни.

Снова Кавказ, Абхазия. В 2008 году в составе воздушно-десантной дивизии Гайдук штурмовал Цхинвал. Пара лет в Осетии, принял роту в отдельной бригаде Северо-Кавказского военного округа. Потом полк спецназа, созданный в 2012 году для обеспечения безопасности сочинской Олимпиады. Снова Кавказ, спецподразделение «Вихрь» в составе внутренних войск – часть, которой на бумаге как бы не существовало.

Он потерпит. Человечество, смеяшь, расстается со своим прошлым! Сергей вытряхнулся из кровати, мерил шагами казенную комнату. Тоска пройдет, стоит лишь сменить обстановку. Только не тянуть с этим делом. Подмахнуть в штабе пару бумажек, забрать оставшиеся документы, вечером проставиться, а с утра в Махачкалу, на крыло.

Согласно полученному вороху бумаг, он не служил ни в каком спецназе. Последняя должность, отмеченная в удостоверении личности офицера запаса: начальник вещевого службы мотострелкового полка, расквартированного под Челябинском. В боевых действиях участия не принимал.

– Вот так живешь, воюешь, рискуешь жизнью каждый божий день, а по факту ты всего лишь каптер, – печально заметил в тот же вечер майор Васильев, когда сослуживцы собрались на отвальную.

Гайдук расстарался, приволок из магазина море закуски, лучшую водку, дорогой коньяк. Но веселье не шло, народ был печален, ел, пил, но без удовольствия. На Гайдук смотрели как на камикадзе, уходящего на последнее задание.

– Ну, не знаю, – заключил по итогам молчания капитан Тимирязев. – На гражданку – как в омут. В армии все понятно, головой думать не надо, всегда сыт, при деньгах, работой обеспечен, никакие экономические кризисы не страшны.

– Ты поосторожнее, капитан, в братской Украине, – многозначительно заметил Бредов. – Говорят, там опасно.

Собутыльники лениво похихикали, но настроение у них не поднималось.

– Ты, это самое, Серега... – начал Васильев. – Во-первых, честь мундира береги. Во-вторых, если помощь вдруг потребуется, не стесняйся, звони, пиши. Мы подскочим, разберемся.

– Всегда поможем, – поддержал Мирзаев. – Взводом БМД, парочкой рот спецназа. Думаю, начальство возражать не будет.

– А спорим, он вернется? – заявил капитан Карцев, и все удивленно посмотрели на него. – Seriously говорю, помыкается по миру, посмотрит на весь этот бардак и еще до осени попросится обратно. Ну, может, не в армию, но в Россию точно вернется.

– Может, и вернусь. – Гайдук неопределенно пожал плечами.

Гулянка закончилась, пьяных не было. Сергей покурил, помыл посуду. Ночь тянулась извилистой сколопендрой, он валялся на кровати и не мог уснуть.

В памяти всплывал родной городок Новодиев на западе Днепропетровщины. Юркая речка Ведянка, пышные сады. Последний раз он ездил в Новодиев на похороны отца. Михаил Терентьевич скончался от внезапного тромба, закупорившего артерию на бедре.

Кабы не это трагическое событие, то все терпимо. Мать Клавдия Павловна болеет диабетом, но вроде находится под присмотром добродушной сестрицы Дашки. Медсестра приходит, ставит инъекции сахароснижающих препаратов. Иногда мать ложится в больницу, где проходит инсулинотерапию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.